

ведении свое сознание. Этим объясняется преобладание диегетического типа нарратора в лирико-психологической повести о войне и актуализация сказового нарратора в «деревенской прозе».

В стиливом плане лирико-психологическая повесть представляет собой явление переходного характера, поскольку интенсификация этой жанровой разновидности повести обусловлена процессом преодоления, как русскими, так и белорусскими прозаиками канонов соцреалистической эстетики и переходом в русло социально-психологического реализма.

Продуктивным на данном этапе становится синтез реалистической парадигмы с элементами сентиментализма, романтизма и экзистенциализма (Б. Васильев «А зори здесь тихие...», В. Астафьев «Пастух и пастушка», К. Воробьев «Убиты под Москвой», В. Быков «Альпийская балада», «Да-жыць да світання» и др.), которые помогли писателям заострить гуманистическую проблематику произведений, раскрыть сущность экзистенциальной трагедии человека на войне, обогатить художественную систему новыми приемами и средствами выразительности.

В контексте «деревенской прозы» реалистическая повесть обогащается неомифологическими приемами моделирования реальности, что позволило усилить метонимическую семантику лирико-психологической повести, перейти к художественным обобщениям концептуального уровня: выявить «вечные» модели личных и общественных взаимоотношений, сущностные законы окружающего мира (В. Астафьев «Последний поклон», В. Шукшин «Калина красная», В. Козько «Цвіце на Палессі груша», В. Карамазов «Дзень Барыса і Глеба» и др.).

Таким образом, на семантическом уровне лирико-психологическая повесть представляет собой рефлексию и интерпретацию индивидуально-авторского опыта, отказ от модели «сверхличности» в пользу постижения живой человеческой души. Морфологические изменения связаны с возвращением писателей в русло классического реалистического искусства, а также с использованием элементов романтической условности (что способствовало усилению лирической доминанты).

Литература

1. Абрамов, Ф.А. Люди колхозной деревни в послевоенной литературе / Ф.А. Абрамов // Новый мир. – 1954. – № 3. – С. 210–231.
2. Лейдерман, Н.Л. Движение времени и законы жанра: жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. / Н.Л. Лейдерман. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 254 с.
3. Лейдерман, Н.Л. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательский центр «Академия», 2006.

E.V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P.M. Masharov

e-mail: kriklivec@mail.ru

Lyrical-psychological novel in Russian and Belarusian prose of the second half of the twentieth century

Key words: Russian literature, Belarusian literature, genre-style modification, novel.

The article reveals the causes and specifics of the semantic and morphological transformation of the lyrical-psychological novel in Russian and Belarusian prose of the second half of the twentieth century.

И.К. Кудрявцева

Минский государственный лингвистический университет

e-mail: irina.kudriavtseva@gmail.com

УДК 821.111(73)-3.09(045)

ВЕЖЛИВОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИТЕРА ТЕЙЛОРА

Ключевые слова: вежливость, межличностное общение, этическая категория, «южная школа» литературы США, Питер Тейлор.

В статье раскрывается значимость категории вежливости как характеристики межличностной коммуникации, этической категории и элемента социальной семиотики в произведениях американского писателя Питера Тейлора. Рассматривается проблема поверхностного понимания вежливости, при котором она сводится к речевому этикету и соблюдению внешних приличий, что приводит к дистанцированию коммуникантов и возникновению фальши в межличностных отношениях.

Вежливость как важнейшая характеристика поведения человека давно привлекает внимание специалистов в таких областях гуманитарного знания, как лингвистика, теория коммуникации, культурология, психология, семиотика, и это не случайно, ведь вежливости принадлежит важнейшая роль в регуляции взаимоотношений между людьми в различных формах коммуникации,

при этом выбор стратегий ее достижения зависит от многих факторов – ситуативных, психологических, социальных, культурных. Несмотря на то, что вежливость, как правило, связывают с соблюдением этикета, исследователи отмечают, что «вежливость шире этикета», т. к. если этикет – это «свод коммуникативных норм и правил», то вежливость – это «система коммуникативных стратегий и тактик, используемых в реальном общении и нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание» [3, с. 167]. В рамках исследования проблемы вежливости были отмечены такие ее аспекты, как социологический, философский, социально-нормативный, лингвистический, когнитивный, лингвокультурологический и другие [2, с. 4–5]. Представляется, однако, что вежливость значима, прежде всего, как этическая категория, ведь глубинное содержание вежливости заключается в уважении чувств и нужд другого человека, признании его личностной значимости, права на автономность и личное пространство. О том, что вежливость входит в круг наиболее значимых нравственных ценностей, свидетельствует определение этого понятия в «Словаре по этике» как морального качества, характеризующего поведение человека, для которого «уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими» [4, с. 37], а также представление об этикете как о своего рода «малой этике» [1, с. 598].

Богатый материал для исследования природы и особенностей функционирования категории вежливости может дать художественная литература, в частности, произведения американского писателя Питера Тейлора (Peter Taylor, 1917–1994), представителя «южной школы» литературы США, признанного мастера рассказа и обладателя Пулитцеровской премии за роман «Вызов в Мемфис» («A Summons to Memphis», 1986). Герои большинства произведений Тейлора – обеспеченные, родовитые и хорошо образованные врачи, юристы, бизнесмены, политики, преподаватели университетов, их жены и дети, которые в 1930–1950-х гг. переехали из провинции и обосновались в быстро растущих городах Теннесси и других южных штатов, войдя в их культурную и финансовую элиту. Образ жизни и ценностные ориентации этого слоя южного общества были хорошо известны самому писателю: среди многих поколений юристов и политиков Тейлоров были федеральный окружной судья, два губернатора штата Теннесси, а отец писателя возглавлял крупную страховую компанию.

В созданном писателем художественном мире вежливость является значимым компонентом коммуникативного (вербального и невербального) поведения героев. В их речи высок удельный вес модальных глаголов, сослагательных конструкций, речевых актов приветствия, просьбы, благодарности, извинения, а также обращений, уточняющих вопросов, комплиментов. Они не употребляют просторечных выражений или инвективной лексики, их речь литературна, даже несколько архаична. К столу обязательно должным образом «одеваются», прежде чем войти в комнату – стучатся, причем такое поведение не является чем-то навязанным нормами этикета, а проистекает из внутренней установки на уважительное и бесконфликтное общение. Это обусловило и специфику актуализации художественного конфликта в произведениях Тейлора – как правило, он переносится в плоскость индивидуального сознания, так как выяснять отношения с окружающими, устраивать скандалы считается неприличным, «вульгарным».

Кроме того, вежливость становится элементом социальной семиотики, ведь хорошие манеры являются такими же маркерами положения и статуса героев, как обладание дорогостоящими предметами мебели и одежды, автомобилем, домом в престижном районе города, участие в статусных видах деятельности (охота, посещение загородного клуба, благотворительность). Американский литературовед Ч. Уилсон, подчеркивая значимость этикета и хороших манер в традиционалистской южной культуре, отметил их знаковую функцию: «Southern manners were not only a community binding force, <...> they were also divisive, separating those with manners from those without» [8, с. 635].

Однако, как демонстрирует писатель, чрезмерное внимание к соблюдению приличий и этикетных норм порой приводит к тому, что вежливость становится характеристикой лишь формы коммуникации, а не ее содержания. В этом случае вежливость призвана замаскировать эмоциональную отстраненность героев, нежелание решать возникающие проблемы и вести продуктивный диалог, а порой и чувство превосходства. Особенно явно такая «негативная» вежливость обнаруживается в рассказах писателя 1940–1960-х годов. Героинями многих из них являются женщины, жизнь которых состоит преимущественно из забот по дому, занятий детьми, создания комфорта для «кормильца семьи». При внешнем семейном благополучии и отсутствии конфликтов по материально-денежным и бытовым вопросам у них нарастает внутренне ощущение личной незначимости, неудовлетворенности и разочарования. Тейлор прибегает к субъективизированному повествованию в третьем лице, перемещая точку зрения в сознание героини, что дает читателю возможность увидеть реальность ее глазами и почувствовать нюансы ее восприятия сложившейся ситуации.

Так, миссис Ларвелл в рассказе «Избранные» («The Elect») стала незаменимой помощницей мужа на время его участия в избирательной кампании на пост губернатора штата, хотя каждое появ-

ление на публике давалось ей тяжело, ведь по натуре она женщина скромная, любит заниматься домашними делами. После победного голосования, избранный губернатор за ужином в присутствии зятя выражает своей жене благодарность: «“Thank you,” he said gently. <...> “My darling Nell”, the judge was saying now, <...> “my darling, you do have powers I never suspected you possessed. I owe you a debt that I can never repay, and the bad part is that I have no doubt that you will go on increasing that debt of mine so long as we live”» [6, с. 405]. Однако эти слова благодарности заставляют миссис Ларвелл разрыдаться, так как за комплиментом и витиеватой формулировкой она угадывает совсем иной смысл: ей придется продолжить публичные выступления, и выбора у нее нет. Писатель с помощью особого подбора лексических и синтаксических средств воссоздает всю бурю чувств миссис Ларвелл, которые она вынуждена подавлять: «Tears quite literally flooded her eyes and flowed down her cheeks. It was as though, quite literally, some dam within her had burst. She knew that there was no turning back and no answering him. <...> She hated him – but only for the one moment. She loved him; he was her life. But her life would be changed now» [6, с. 405–406]. Тейлор с иронией изображает то, как муж и зять, растроганные такой бурной реакцией на слова благодарности, обнимают миссис Ларвелл, которая поспешно извиняется: «I’m being so silly. How silly can a woman be? The wife of the governor-elect! This should be the happiest day of our life, and I shouldn’t spoil it with tears.» [9, с. 405–406]. Как видно, дискурс вежливости в данном контексте связан с дискурсом власти, по сути речевой акт благодарности стал речевым актом просьбы, приказа. Вежливость здесь выступает как одна из стратегий доминирования и подавления личности другого человека. Рассказ также иллюстрирует гендерную специфику моделей вежливого поведения: «доминирующая группа (мужчины) предпочитает самоутверждение, выражаемое самостоятельным регулированием дистанции общения, а подчиненная группа (женщины) выбирает уклонение от коммуникативного конфликта, реализуя его через стратегии косвенности» [5, с. 7].

Еще один пример – немолодые уже супруги в рассказе «Куки» («Cookie»). Муж, преуспевающий врач, относится к своей жене пренебрежительно, соблюдая, однако, минимум приличий: дважды в неделю он остается ужинать дома, а когда чувствует укол совести – три или четыре раза. Жена знает, что сразу же после ужина он уедет в своем новом автомобиле, объяснив, что у него сейчас много пациентов. За ужином муж не забывает регулярно делать жене комплименты и хвалить ее стряпню, однако в его голосе нет ни теплоты, ни заинтересованности, так что механически повторяя в очередной раз избитую фразу «you are too good to me» («ты слишком добра ко мне»), он и сам не решает ее закончить. Его деланное внимание к жене лишь еще больше унижает её. В конце ужина, с аппетитом поглощая испечённый женой пирог, доктор развлекается тем, что поддевает и дразнит Куки, темнокожую служанку и единственную спутницу его жены в его отсутствие. В результате Куки говорит вслух о том, что давно известно многим, в том числе и её хозяйке, но о чём положено молчать – доктор посещает «женщин лёгкого поведения» в доме своего друга. В то время как муж не считает нужным даже оправдываться и предлагает просто уволить «лгунью» Куки, реакция жены – негодование и возмущение, но не по отношению к мужу, а по отношению к Куки, которая провинилась в том, что «забыла свое место». Именно жена и приносит извинения – за то, что нарушены приличия: «I’m sorry. I’d not thought she was capable of a thing like that. <...> I can’t have her talking that way to my husband» [6, с. 289]. И муж, и жена предпочитают поддерживать иллюзию стабильного брака и прятаться за вежливыми фразами. Об истинных чувствах героини говорят лишь слёзы в ее глазах и срывающийся голос.

В рассказе «Первый забег» («First Heat») Тейлор исследует проблему нравственного выбора политика. На заседании Сената штата главный герой пошел на политическую сделку, нарушив при этом обещание, данное ранее коллеге и другу. Сейчас он находится в гостиничном номере и с тревогой ожидает предстоящей встречи с женой, с которой они должны ехать на прием к губернатору и которая, вероятно, уже слышала новость по радио. Он успокаивает себя тем, что он, в конце концов, не предал свою страну, семью или избирателей, что человек, рассчитывавший на него, «и сам отъявленный обманщик» («the damnedest kind of double-dealer» [6, с. 42]). Его сильнейшее эмоциональное и психическое напряжение выражается физически в обильном потоотделении: «The flow of perspiration was quite extraordinary. <...> It was rather alarming. It really was» [6, с. 39]. Герой одновременно и страшится, и ждет осуждения жены, хотя, когда они вместе решали, стоит ли ему идти в большую политику, они пришли к выводу о том, что политические принципы человека могут не совпадать с его нравственными принципами («one’s political morality could not always coincide with one’s private morality» [6, с. 44]). Герой ничего не обязан объяснять жене, но именно в этом он испытывает сейчас острую психологическую потребность. Однако он не слышит от нее ни упреков, ни утешений; их обмен репликами подчеркнуто вежлив, как будто ничего не произошло. Формальность, выхолощенность коммуникации подчеркивается Тейлором с помощью приема метонимии в финале рассказа, когда из номера выйдут уже не муж и жена, а «смокинг» и «вечернее

платье»: «When, finally, she would open the closet door, they would see only his formal evening clothes hanging there, waiting to be worn to the governor's mansion tonight. And while he looked over her shoulder, she would open the cardboard box and hand her full-length white evening dress beside his tuxedo. And after a while the tuxedo and the evening gown would leave the hotel room together and go down the elevator to the lobby and ride a cab across town to the governor's mansion» [6, с. 48–49]. Эмоции, даже негативные, вербализованные и пережитые вместе, могли бы сблизить героев, но этого не происходит.

В романе Тейлора «Вызов в Мемфис» вежливость также порой сводится к соблюдению внешних приличий и подавлению истинных чувств. Предполагаемая женитьба обеспеченного 81-летнего вдовца Джорджа Карвера, в прошлом юриста и бизнесмена, всколыхнула затаенные обиды и невысказанные претензии его двух дочерей и сына Филиппа, которые во многом из-за действий отца не смогли создать собственные семьи. Однако в семье Карверов никогда не было принято выяснять отношения, а в детях воспитывались такие качества, как сдержанность, самоконтроль. Филипп вспоминает, как много лет назад, когда Джордж Карвер решил перевезти всю семью из Нашвилла в Мемфис, разрушив тем самым целую систему социальных и личностных связей, миссис Карвер наставляла детей не выказывать недовольства: «...we must not, above all, allow Father to feel that we were grieving about leaving Nashville or brooding about the changes to come in our lives» [7, с. 19–20].

Результатом такого воспитания для Филиппа стали неспособность к решительным действиям и сильным эмоциям, боязнь задеть чьи-либо чувства, что заставляет его подолгу раздумывать перед каждым значимым поступком. Так, обедая в ресторане фешенебельного отеля со своим отцом и сестрами, Филипп неожиданно замечает за соседним столиком свою первую любовь, Клару Прайс, в окружении детей и мужа. В этот момент Филипп не чувствует ничего, кроме растерянности, так как не знает, как ему следует поступить, чтобы не вызвать неловкость: «From the first moment of course the question was whether or not I should go over and speak to her. It was a question really of whether it would be more awkward to confess to my father and sisters who it was over there and to go over and to be introduced all round or more awkward to say nothing and to keep my eyes carefully averted throughout the dinner hour» [7, с. 209].

Примечательна сцена в романе, когда Джордж Карвер готовится нанести продолжительный визит своему бывшему другу и деловому партнеру Льюису Шакельфорду, который когда-то заключил мошенническую сделку, что и послужило причиной переезда семьи Карверов в Мемфис. Теперь, много лет спустя, они встретились и примирились, однако для Филиппа и его сестер возобновление отношений отца с Льюисом Шакельфордом является неприемлемым, так как для них он ассоциируется с самым травматичным опытом в их жизни. В день предполагаемого отъезда Джорджа Карвера нервы у всех напряжены. Машина, на которой Филиппа привез из аэропорта его друг Алекс, припаркована так, что загораживает выезд автомобилю отца. Никто не решается сделать первый шаг, предпочитая обмениваться вежливыми репликами о погоде, дорогах и т. п.: «We exchanged a few sentences about the weather then, the four of us did. It was beautiful, bright fall weather, we said, perfect for travel. <...> “How this town has grown,” I said, to change the subject. “I haven't seen so many expressways anywhere. Even Alex had trouble finding his way here from the airport,” I said, though of course this was untrue. We sat exchanging such commonplace untruths for twenty minutes or so» [7, с. 220–221]. Ситуация разрешается тем, что раздается телефонный звонок с известием о смерти Льюиса Шакельфорда.

Все эти примеры демонстрируют значимость категории вежливости как способа избежать конфликтов в межличностном (межпоколенческом и межгендерном) общении. Однако, признавая значимость вежливости как базовой этической категории, Тейлор проблематизирует одностороннее, поверхностное понимание вежливости, которая порой сводится к речевому этикету, соблюдению внешних приличий, умению «держаться в руках». Призванная способствовать достижению наиболее эффективного межличностного взаимодействия, вежливость в этом случае приводит к подавлению естественных чувств и эмоций, дистанцированию коммуникантов, легитимации классовых и гендерных различий и иерархий, является индикатором фальши в межличностных отношениях.

Литература

1. Апресян, Р. Г. Этикет / Р. Г. Апресян // Этика : Энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 597–598.
2. Газизов, Р. А. Коммуникативная категория вежливости в немецкой лингвокультуре: (ситуативно-стратегический анализ): автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Р. А. Газизов ; Башкирский гос. ун-т. – Уфа, 2011. – 44 с.
3. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации : Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
4. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. – 6-е изд. – М. : Политиздат, 1989. – 447 с.

5. Фурменкова, Т. В. Средства реализации принципа вежливости в американском варианте современного английского языка : На примере речевых актов обращения, просьбы, приветствия: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т. В. Фурменкова ; Калининградский гос. ун-т. – Москва, 2005. – 25 с.
6. Taylor, P. *The Collected Stories* / P. Taylor. – N. Y. : Penguin Books, 1986. – 535 p.
7. Taylor, P. *A Summons to Memphis* / P. Taylor. – N. Y. : Ballantine Books, 1986. – 233 p.
8. Wilson, Ch. R. *Manners* / Ch. R. Wilson // *Encyclopedia of Southern Culture* / ed. by Ch. R. Wilson, W. R. Ferris. – Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 1989. – P. 634–636.

I.K. Kudriavtseva
Minsk State Linguistic University
e-mail: irina.kudriavtseva@gmail.com

Politeness as a Component of Interpersonal Communication in the Fiction of Peter Taylor

Key words: politeness, interpersonal communication, ethical category, southern school of American literature, Peter Taylor.

The article deals with the specificity of politeness as a feature of interpersonal communication, an ethical category and an element of social semiotics in the fiction of the American writer Peter Taylor. Consideration is given to the problem of a superficial understanding of politeness as speech etiquette and normative behavior, which leads to a psychological distancing of communicants and creates falseness in human relations.

Е.В. Кузнецик
Полоцкий государственный университет
e-mail: e.kuznechik@psu.by

УДК 821.112.2

ЕДА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОРТРЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ

Ключевые слова: тема еды, образ хлеба, эстетика хлеба, образ еды, символика хлеба, мотив жизни, мотив травмы.

Рассматривается образ еды как средства создания национального портрета в произведениях Г. Бёлля. Отмечается, что еда в прозе автора является частью бытописания. Эстетика хлеба занимает особое место в проблемном поле писателя. Образ хлеба используется Бёллем для реализации ряда повторяющихся мотивов в произведениях, опубликованных в разные периоды жизни и творчества писателя.

В эпоху глобализации особое значение приобретают знания о культурно-специфическом, национальном аспекте. Поиск и изображение граней национальной идентичности были и являются одними из актуальных направлений немецкой послевоенной литературы. Обращаясь к теме национального самосознания, немецкие писатели не обходят стороной кризисные моменты политического и социально-экономического развития страны, связанные, прежде всего, с периодом национал-социализма. Свою позицию в этом отношении высказывал и Генрих Бёлль (*Heinrich Böll*, 1917–1985) – один из самых ярких представителей послевоенной литературы Германии, писатель, произведения которого нашли отклик не только у немецкого читателя, но и у читателей всего мира. Так, например, во «Франкфуртских лекциях» (*Frankfurter Vorlesungen*, 1966) Бёлль дает оценку своей стране и народу, анализирует причины, обусловившие приход фашизма, и отмечает, что «в изображении национальных особенностей между крайностями смешного и благородного, похоже, нет места для просто человеческого. <...> Немцам, например, чужое всегда представлялось явно более интересным: свою дверь они находят с трудом» [1, с.82]. Тематика произведений Бёлля не теряет своей актуальности для современного немецкого общества. Например, обозреватель газеты «Frankfurter Allgemeine Zeitung» А. Платтхаус в статье, посвященной 100-летию со дня рождения писателя, приводит слова немецкого литературного критика и публициста Марселя Райх-Раницкого: «То, о чем говорит Бёлль, поражало и поражает его современников в самое сердце» (*Was Böll erzählt, traf und trifft die deutsche Gegenwart mitten ins Herz*) (Перевод наш – Е.К.) [2].

В своих произведениях Бёлль рассматривает бытописание немецкой жизни как один из основополагающих элементов национальной идентичности. Т.Л. Мотылева отмечает: «Характерная особенность писательской манеры Бёлля – особое пристальное внимание к деталям, частностям, к тем микроэлементам действительности, в которых единичное, неповторимое пересекается с историческим, общезначимым» [3, с. 456]. Бытописание у Бёлля несет аллегорический подтекст, в котором объектом парабол выступают вещи. М.Л. Рудницкий указывает на то, что «функции вещей в прозе Бёлля вообще очень значительны <...>. <...> вещи служат как бы опознавательными знаками: ими жизнь проверяется на ложность и подлинность» [4, с. 300].